

ОСКАР ХАЛЕЦКИ

ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН
ДО XX ВЕКА

КИПАЩИЙ КОТЕЛ НАРОДОВ И РЕЛИГИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ

Оскар Халецки
История Центральной Европы
с древних времен до XX века.
Кипящий котел народов
и религий на территории
между Германией и Россией

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42858155

История Центральной Европы с древних времен до XX века. Кипящий котел народов и религий на территории между Германией и Россией:

Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-9524-5378-4

Аннотация

Профессор Фордхэмского университета Оскар Халецки на страницах своей книги прослеживает историю народов Центральной и Восточной Европы с древних времен до середины XX века. Автор освещает процессы формирования национальной идентичности и становления государств славян, народов Балтии, Подунавья и Балкан. Размышляя об истоках геополитических конфликтов и культурной общности народов, населяющих ключевой регион в самом сердце Европы, историк делает вывод, что свобода и независимость каждого народа необходима для

стабильного баланса сил на континенте и развития цивилизации в целом.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Центрально-Восточная Европа	9
Славяне и балты	17
Глава 2	26
Славяне и Евразия	26
Самые древние отношения между славянами и германцами	34
Славяне и Византийская империя	42
Глава 3	49
Моравское государство и славянские апостолы	49
Вторжение венгров и проблема преемственности румын	58
Норманны в Восточной Европе	62
Часть вторая	73
Глава 4	73
Западные славяне	73
Восточные славяне	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Оскар Халецки
История Центральной
Европы с древних времен
до XX века. Кипящий
котел народов и религий
на территории между
Германией и Россией

Памяти моих любимых родителей

OSCAR HALECKI
BORDERLANDS OF WESTERN CIVILIZATION
A History of East Central Europe

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Предисловие

Я изучаю и преподаю восточноевропейскую историю много лет и всегда старался охватить все страны, расположенные к востоку от Германии. Но, делая это, я все больше и больше понимал, что следует рассматривать и различать три отдельные области исследования. Две из них – общепризнанные, известны многим ученым из разных стран и освещены в многочисленных учебниках и исторических исследованиях. Это история Византийской (Восточной Римской) империи в Средние века, которую позднее сменила Османская империя, и история Российской империи. Однако еще остается история многочисленных народов, которые как в Средневековье, так и в наши дни жили и живут на территории между Германией и этими империями иногда в своих собственных независимых государствах, а иногда поглощались могущественными соседями.

Третья область настолько же интересна и важна, как и две другие, ввиду своего внутреннего разнообразия. Но, несмотря на такую огромную многогранность, она представляет собой отдельное единство, которое занимает особое место в развитии человечества. И все же этот регион Европы обойден вниманием в исторических трудах. По этой причине было трудно понять значение многочисленных народов, живущих между Германией и Россией, общая численность кото-

рых превышает численность и немцев, и даже русских (великороссов).

Заполнить этот пробел в рамках одной книги – нелегкая задача для одного историка. Вынужденный проводить строгий отбор из бесчисленных фактов, он неизбежно попадет под влияние главных направлений своей исследовательской работы. И даже если эти факты случайно упоминаются в общих чертах в мировой истории или историях приграничных или соседних регионов, задача согласования их с картиной, сложившейся в результате совершенно другого подхода, естественно вызывает новые сложные проблемы.

Истоки всей этой истории, уходящие отчасти в доисторические времена, получили особое внимание в некоторых ценных трудах недавнего времени. Это стало дополнительной причиной для как можно более краткого рассмотрения этих далеких времен, которые по-прежнему полны спорных моментов. Подробное обсуждение Средних веков начиная с X в. и эпохи Возрождения, которая, как обычно считается, характерна сугубо для Запада, оказалось важным и необходимым ввиду живучести средневековых традиций для народов, которым позднее было суждено потерять свою свободу, и ввиду культурной общности, которая возникла в позднем Средневековье, Ренессансе, между Западной Европой и тем, что можно назвать – раз уж нет лучшего термина – Центрально-Восточной Европой.

Мотивы для описания довольно хорошо известных совре-

менных веков европейской истории с точки зрения «жертв» великих держав были таковы: свободная Центрально-Восточная Европа необходима для любого стабильного баланса сил на континенте; временное исчезновение этого целого региона создавало и создает опасное напряжение между подавленными стремлениями к национальной независимости и, по-видимому, хорошо упрочившимися имперскими устремлениями, которые обычно вступали в опасное соперничество друг с другом. С точки зрения народов Центрально-Восточной Европы, которые были независимы в период между двумя мировыми войнами и снова утратили свою свободу после Второй мировой войны, даже современная история, должно быть, выглядит в другом свете.

Если на страницах этой книги, в которой делается попытка показать, как далеко на Восток распространилась западная цивилизация, политическая история получает особое внимание, то только потому, что знания о главных политических событиях являются необходимыми рамками и незаменимой основой для дальнейшего изучения культуры, общества или экономики.

Часть первая

Предыстория

Глава 1

Географические и этнографические истоки

Центрально-Восточная Европа

Обычный подход к европейской истории удивительно ограничен. Очень часто Западную Европу отождествляют с целым континентом, и даже в этой западной части серьезное внимание привлекают только крупные державы, особенно империи. Исправлению ситуации способствовало то, что в исследование некоторых периодов были включены также и некоторые восточные государства. Таким образом, возрождение интереса к Византии, Восточной Римской империи способствовало лучшему пониманию Средних веков. Подъем и падение Османской империи, хотя это была держава неевропейского происхождения, следует считать частью современной европейской истории. А как только Русское го-

сударство превратилось в еще одну империю, история этой новой России оказалась неотделимой от истории Европы в целом.

В европейской историографии, однако, осталась обширная *terra incognita* (неисследованная область) – восточная часть Центральной Европы между Швецией, Германией и Италией, с одной стороны, и Турцией и Россией – с другой. В ходе европейской истории огромное количество разных народов создавало в этом регионе свои собственные независимые государства, иногда довольно большие и сильные; поддерживая связь с Западной Европой, они развивали свои собственные национальные культуры и содействовали общему прогрессу европейской цивилизации.

Правда, время от времени некоторые из этих государств поглощались соседними империями, как это случилось с целой группой государств как раз в тот момент, когда к началу XIX в. написание истории вступило в свою поистине научную фазу. Возможно, это в какой-то степени объясняет, почему народам Центрально-Восточной Европы не уделялось должного внимания в современных исследованиях и при преподавании исторических наук. А так как период их мнимого исчезновения совпал с образованием американской нации, становится еще более понятным то, что они казались малоинтересными для американских историографов.

Минусы такой ограниченной трактовки Европы стали очевидными, как только процесс освобождения и восстанов-

ления Центрально-Восточной Европы почти закончился после Первой мировой войны. Но даже тогда так называемые «новые» государства этого региона – а большинство из них были на самом деле очень старыми – обычно исследовали, не рассматривая в достаточной степени их исторические истоки. И в Западной Европе, и в Америке понимание их важности в формировании и объединении Европы только началось, когда нормальный ход развития этого ключевого региона снова был прерван – на этот раз Второй мировой войной. В ходе незаконченного мирного урегулирования после этой последней войны все эти государства стали жертвой еще одной волны имперских амбиций в одной из современных тоталитарных форм. Не будет установлен прочный мир, пока им не будет возвращено их традиционное место в европейском сообществе, которое в настоящее время расширилось до атлантического сообщества.

Историческая наука может способствовать такому решению путем содействия лучшему пониманию прошлого. Но как науке истории придется сначала исправить свою собственную ошибку – упущение из поля зрения обширной территории у самого сердца Европейского континента. Эта территория, которая никогда не была исторически единой, несмотря на то общее, что было у всех этих народов, не является и географическим единством. И как это не раз случилось со всеми историческими регионами, у этой территории не было даже постоянных границ.

Поэтому изначально было трудно дать этой части Европы действительно подходящее название. Эта трудность еще больше усиливается искусственным характером всех общепринятых делений этого континента на определенное количество регионов. Если выделять только два из них – Западную и Восточную Европу, то невозможно найти надлежащее место для территории, которая не принадлежит (полностью) ни той ни другой части. Если добавить понятие «Центральная Европа», то немедленно следует уточнить, что этому центральному региону присущ внутренний дуализм. Оставив в стороне его западную однородно-немецкую часть, только восточную часть можно ориентировочно считать «новой» или «неизвестной» областью исследований, введенной в общую канву европейской истории. По этой самой причине название Центрально-Восточная Европа кажется самым подходящим.

Это означает, что с географической точки зрения Европа делится не на две или три, а на четыре основные части – Западную, Центрально-Западную, Центрально-Восточную и Восточную. И такое деление совершенно оправданно, коль скоро речь идет об основной части континента. Но возникает вопрос: как вместить в это деление огромные европейские полуострова? В случае Центрально-Восточной Европы это вопрос ее отношений со странами Балканского полуострова.

Они отличаются от земель, расположенных по течению Дуная, не только географически; а еще больше – от обшир-

ной равнины к северу от Судетских и Карпатских гор. Во времена средиземноморского сообщества, предшествовавшего европейскому, Балканский полуостров, и особенно его греческая часть – исторически самая древняя часть Европы, был неотъемлемой частью того древнейшего сообщества и, в конечном счете, Римской империи. Эта империя расширилась до Дуная и даже на какое-то время перешла через него в Дакию. Но основная часть Центрально-Восточной Европы оставалась вне ее, ее даже не затронуло римское влияние, как оно затронуло Центрально-Западную Европу до Эльбы. И она явно принадлежала к исторически более молодой части Европы, которая вступила в европейскую семью и историю в целом спустя века, последовавшие за падением Римской империи на Западе. И в то же время некоторые народы Центрально-Восточной Европы вторгались на европейскую территорию Восточной Римской империи – на Балканы. Они проникали до самой Греции и заселили большую часть севера полуострова.

Большой сегмент изначально Восточной Европы таким образом ассоциировался с Центрально-Восточной Европой благодаря историческому процессу, который пренебрег географическим фактором, как часто бывает. Этот самый фактор способствовал распространению на восток других народов Центрально-Восточной Европы посредством колонизации; это было продвижение по практически безграничной Европейской равнине в направлении Азии. Только то-

гда большой регион, географически являющийся Восточной Европой, был еще и исторически связан с собственно Европой. Но если не обсуждать на этих страницах весьма сомнительный вопрос – в какой степени этот колонизированный регион в бассейне реки Волги стал полностью европейским в историческом смысле этого слова – следует немедленно отметить, что он всегда отличался от Центрально-Восточной Европы. Граница между этими двумя регионами не была естественной и, разумеется, колебалась в ту или иную сторону. Но четкое разграничение между ними является необходимым условием правильного понимания европейской истории.

По аналогичным географическим причинам также не было естественной границы между Центрально-Восточной и Центрально-Западной Европой, хотя здесь историк должен как можно четче проводить разграничение. Однако естественным было то, что всякий раз, когда в ходе истории открытый промежуточный регион – Центрально-Восточная Европа – испытывал сильное давление с той или иной стороны, он пытался двигаться в противоположном направлении. Ситуация становилась критической, когда это давление оказывалось одновременно с обеих сторон. Иногда серьезная угроза некоторым народам Центрально-Восточной Европы исходила с юга и даже севера – со стороны Балканского полуострова, который они никогда полностью не контролировали, или с другого берега Балтийского моря из Сканди-

навии, этого Северного Средиземноморья.

Опасность с юга колоссально увеличилась, когда на смену Византийской империи, которая обычно оставалась в обороне, пришла агрессивная Османская империя. А так как натиск турок начался в то время, когда Восточная Европа все еще находилась под татарским владычеством, Центрально-Восточной Европе пришлось принять на себя удар азиатских армий на двух разных фронтах. Ее роль бастиона всей Европы, христианства и западной культуры едва ли можно переоценить.

В равной степени для общей европейской истории важны проблемы Балтики. Но они всего лишь внутренние проблемы Европы, а так как ни викингам в Средние века, ни Швеции в зените своего недолгого могущества не удалось создать чего-либо похожего на Скандинавскую империю, то опасности, угрожавшие Центрально-Восточной Европе с севера, были временными. Однако не следует забывать, что даже естественная граница в виде Балтийского моря не была ни достаточной защитой, ни реальной преградой. Это море неоднократно переплывали скандинавские захватчики во время своих завоевательных походов, которые чередовались с планами сотрудничества между странами, расположенными на обоих берегах Балтики. Не только северным, но и западным завоевателям и колонистам удавалось лишиться доступа к морю – иногда на века – местные народы Центрально-Восточной Европы и ее государства.

Тем не менее, благодаря доступу к Балтийскому морю на протяжении большей части истории и доступу к Черному морю, который даже еще больше оспаривали захватчики с востока и юга, народы Центрально-Восточной Европы заняли территорию, которую с точки зрения географии можно рассматривать как широкий перешеек между двумя морями. Более того, они также достигли и третьего моря – еще одного залива Средиземного моря, Адриатического, и подошли к самому Средиземному морю через Балканский полуостров. Но и здесь они столкнулись с большими трудностями при попытке установить контроль за береговой линией и портами, которые находились в основном в чужих руках. За редким исключением государства Центрально-Восточной Европы не развились в сколько-нибудь значительные морские державы.

Это одна из причин, по которой они никогда в полной мере не использовали в своих интересах геополитические возможности этого огромного региона, который они населяли, и его положение в Европе. Еще одной, даже более важной причиной был тот очевидный факт, что их территория, столь разнообразная топографически, состояла из множества мелких регионов, которые было очень трудно объединить в одно политическое целое. Следует различать по крайней мере три таких региона. Один из них – это центральная часть большой Европейской равнины, включающая частично берега Балтики и Понта (Черного моря). Второй – бассейн Дуная с прилегающим четырехугольником Чехии (Богемии). А

третий – Балканский полуостров без какой-либо четкой границы с предыдущим регионом, так что есть страны, которые можно считать отчасти балканскими, а отчасти дунайскими. По этой и другим причинам какой-либо географический детерминизм при толковании понятия «Центрально-Восточная Европа» был бы даже более дезориентирующим, чем в случае какой-либо другой территории.

Славяне и балты

В равной степени дезориентирующим было бы любое национальное толкование истории Центрально-Восточной Европы. Практически нигде в Европе мы не можем отождествить этнические группы, которые появляются в истории или даже в доисторический период, с народами в антропологическом смысле этого слова. Но в добавление к обычной смеси различных национальных элементов в Центрально-Восточной Европе всегда существовало и существует по сей день особенно большое разнообразие этнических групп, которые различаются по языку и культуре в целом. Однако с незапамятных времен среди этих групп славяне занимают центральное и доминирующее место, представляя собой огромное большинство всех народов во всем этом регионе.

Задокументированная история славян начинается в сравнительно поздний момент, не раньше VI в. н. э. Благодаря своим самым первым вторжениям в Восточную Римскую им-

перию на пороге V в. они впервые вступили в контакт с греко-римским миром. Вот почему, хотя древние авторы предыдущих веков, начиная с Тацита, Плиния и Птолемея, и отметили лишь несколько названий племен, обитающих в малоизвестной северо-восточной части Европы, включая некоторые, несомненно относящиеся к славянским народам, более подробную информацию дали Иордан и Прокопий – ведущие историки VI в. Три народа (венеды, склавины и анты), которые первый из них выделяет среди славян (Прокопий не упоминает венедов, которые были известны более древним авторам, но не были соседями Византийской империи), по-видимому соответствуют западным, южным и восточным славянам, до настоящего времени остающимся главными подгруппами славянского мира. Нет сомнений в том, что в VI в. они уже занимали всю территорию к северу от Балкан, к востоку от линии рек Эльба-Зале и ее продолжения в направлении Адриатического моря. Они также достигли южных берегов Балтийского моря и реки Днепра.

Вопрос о том, когда они заселили всю эту территорию, чрезвычайно спорный. В настоящее время общепризнано – в противоположность легендам и преданиям, – что изначально родиной славян был север Карпат. Более того, компактные славянские поселения появились по другую сторону Судетских гор и у берегов Эльбы не раньше, чем произошли массовые переселения германских племен на Запад. Но в противоположность мнению, которое под влиянием Герма-

нии продолжает преобладать в западной историографии, изначально родина славян не ограничивалась территорией к востоку от реки Вислы. Недавние археологические исследования подтвердили, что с конца нового каменного века (ок. 2000 до н. э.) славяне занимали весь бассейн Вислы и большую часть бассейна Одера в добавление к своим поселениям на востоке между Припятскими болотами и Черным морем.

Также существует высокая вероятность того, что во время древнейшего периода их доисторического существования, который длился около трех или четырех сотен лет, они жили в тесном сообществе со своими северо-восточными соседями – балтами. Среди лингвистов нет единого мнения относительно существования общего балтийско-славянского языка, но в любом случае славяне и балты поддерживали более тесные связи друг с другом, чем с любой другой группой индоевропейских народов. Даже после окончательного разделения их сообщества на две ветви в начале бронзового века судьбы обеих групп оставались неразделимыми, и после славян балтийские народы всегда были самым значимым местным этническим элементом в Центрально-Восточной Европе.

Изначально балты занимали гораздо большую территорию того региона, чем в настоящее время, которая простиралась от моря, которому они дали название (*baltas* – белый), а оно, в свою очередь, стало привычным названием их группы (название «эсты» вызывает много сомнений) до реки

Оки. В добавление к литовцам, которые были в центре этой группы как самый многочисленный народ, и леттам, или латышам, на севере этого региона к балтам также относились древние пруссы, которые исчезли после завоевания немцами в XIII в., утратив даже свое название после поражения в борьбе с захватчиками. Однако свою историческую роль все прибалтийские народы начали играть гораздо позднее, чем славяне, не раньше X в. н. э.

Еще один спорный вопрос состоит в том, в какой степени сами славяне после своего отделения от балтов составляли этническую и лингвистическую общность, которую можно было бы назвать протославянской¹. По-видимому, уже в течение различных периодов их предыстории, включая, вероятно, чужеземное (кельтское или иллирийское?) влияние лужицкой культуры между 1500 и 1300 гг. до н. э. и, безусловно, славянской погребальной культуры до римских времен, дифференциация среди славян шла довольно быстро.

¹ Согласно академику Б.А. Рыбакову, «прародину славян в расцвет бронзового века (тшинская культура XV–XII вв. до н. э., когда славяне отпочковались от других индоевропейцев-соседей, хорошо известная на территории между Вислой и Одером. – *Ред.*) следует размещать в широкой полосе Центральной и Восточной Европы. Эта полоса протяженностью с севера на юг около 400 км, а с запада на восток около полутора тысяч километров располагалась так: ее западная половина подпиралась с юга европейскими горами (Судетами, Татрами, Карпатами), а на севере доходила почти до Балтийского моря. Восточная половина праславянской земли ограничивалась с севера Припятью, с юга верховьями Днестра и Южного Буга и бассейном Роси. Восточные границы менее ясны: тшинская культура здесь охватывала Средний Днепр и низовья Десны и Сейма». (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Их территориальная экспансия в трех направлениях, несомненно, способствовала этому, так что, когда три главные ветви славянских народов появились в истории, каждая из них была уже разделена на различные группы и племена.

Из западных славян только предки поляков, получивших свое название от племени *Polanie* (поляне), остались на своей первоначальной родине – в бассейне рек Висла и Одер. Еще одна группа, связанная с поляками через померанцев, проживавших на побережье Балтийского моря (*Pomorse* – земля вдоль моря), и состоявшая из полабских племен (живших вдоль берегов Эльбы) и лужицких сербов, или сорбов, достигла самых дальних пределов на западе в ходе славянской экспансии. К югу от последних и от польских племен в Силезии и верхнем течении Вислы третья группа заняла Богемию (где племя чехов в конечном счете дало свое название всем остальным племенам), Моравию и Словакию.

Однако только южная ветвь славян продвинулась дальше всех, перейдя через Карпаты и оставив только слабые следы к северу от этих гор. Следом за хорватами и сербами, которые дошли до границ Восточной Римской империи и вскоре пересекли эти границы, вторгшись на Балканы, словенцы заняли территорию гораздо большую, чем современная Словения, и с Дунайской низменности проникли вглубь Восточных Альп.

Что касается восточных славян, то нелегко определить, насколько далеко они распространили свои поселения за ты-

сячелетие, которое предшествовало их первому появлению в истории около 500 г. н. э. Некоторые из их многочисленных племен, безусловно, переправились через Днепр и, возможно, добрались до низовьев Дона на юго-востоке, тогда как другие медленно продвигались в северо-восточном направлении. С самого начала все эти «анты», по-видимому, разделились на западную группу, оставшуюся на родине славян, и восточную группу, заселившую первые колонизированные территории. Но названия восточнославянских племен перечисляются лишь гораздо позже, а происхождение их общего названия *Rus* (русы) так же спорно, как и процесс деления на три группы, которые должны соответствовать украинцам, белорусам и собственно русским или великороссам в наши дни.

И хотя очень мало известно о доисторической культуре различных славянских народов, самые первые упоминания иностранных летописцев в сочетании с археологическими и лингвистическими данными заставляют нас осознать существование определенных отличительных черт, общих у них всех, а также общих с балтийскими племенами. У них были хорошо развитые сельское хозяйство и животноводство, а те из них, которые занимались рыбной ловлей, охотой, выделкой меха, производством воска и меда, имели торговые отношения с внешним миром. Нелегко установить, в какой степени различия в занятиях привели к образованию различных общественных групп. Наверняка можно сказать лишь

то, что главенствующая роль больших семейных групп или родов привела к образованию первой общинной организации под руководством их наследных вождей.

На протяжении долгого времени это, видимо, была их единственная постоянная организация, вот почему греческие авторы, такие как Прокопий или Маврикий, пишут об их «демократии» и любви к свободе. Не признавая никакой верховной власти, даже не имея каких-либо жрецов – старейшины проводили их религиозные обряды, основанные главным образом на поклонении природе, – эти семейные общины объединялись в более крупные племенные организации очень медленно и под давлением внешней опасности. Совместные действия таких племен в даже еще более крупных группах, видимо, были не так часты, как ссоры между различными общинами. Не находясь на более низком культурном уровне, чем другие «варварские» народы за пределами империи, и имея много общего со всеми другими индоевропейцами, славяне были, вероятно, менее развитыми по сравнению с большинством своих соседей в области военной и политической организации. То же самое можно сказать и о балтах.

В таких условиях многочисленные славянские племена не могли ни по-настоящему контролировать большую территорию, на которой находились их расширяющиеся поселения, ни противостоять следующим одна за другой волнам чужеземных захватчиков, которые обрушивались на эту террито-

рию, занимали на ней на время господствующее положение и перемещались по ней в разных направлениях, главным образом в связи с Великим переселением народов на Запад. По этой самой причине периоды, которые выделяют обычно в долгом переходе от предыстории к истории в этой части Европы, представляют собой периоды господства скифов, сарматов, готов, аланов, гуннов и, наконец, аваров – причем ни один из этих народов не имел ничего общего с местным населением.

Нам очень мало известно о сопротивлении славян или их первых попытках создать свои собственные государства. Анты, которые подвергались особой опасности, находясь на пересечении путей миграции народов в степях к северу от Черного моря, по-видимому были в этом впереди своих сородичей. Трагический конец их борьбы с остготами, когда в 374 г. был распят на кресте их вождь по имени Боз (Бож) вместе с семьюдесятью другими вождями, произвел такое сильное впечатление, что запись об этом событии дошла до нас как первый памятник извечной борьбе за свободу в Центрально-Восточной Европе. Своего рода федерация племен антов появляется почти 200 лет спустя, когда они снова не смогли остановить новых завоевателей – аваров. Память о суровом правлении последних долго жила в славянских преданиях, и, для того чтобы противостоять им, приблизительно в 630 г. человек по имени Само создал то, что, вероятно, было первым настоящим славянским государством. Можно ли

его считать первым чешским государством – сомнительно, так как мы даже наверняка не знаем, возникло ли это недолгое просуществовавшее государство у чехов и моравов или у словенцев, так как западные и южные славяне еще не отделились друг от друга.

Что еще более важно, Само был, вероятно, франкским купцом или, скорее, латинизированным кельтом с территории франков, а некоторые историки придерживаются того мнения, что первые правители антов были иранского происхождения. Сама возможность допущения того, что первые политические движения славян возглавляли чужеземцы, показывает, какое огромное значение имеют их протоисторические отношения с чужеземцами. Эти чужеземцы прибывали, с одной стороны, с Азиатского Востока через обширный промежуточный регион между двумя континентами без каких-либо четких границ, а с другой – с территории западных германцев. Эти первые объединения следует рассмотреть прежде, чем можно будет должным образом обсуждать первые контакты славян с тем, что осталось от греко-римского мира.

Глава 2

Славяне и их соседи

Славяне и Евразия

Восточную Европу иногда называют Западной Евразией. Однако это верно только в отношении пограничного региона географической Европы, который находился вне исторического европейского сообщества. А что касается доисторического периода, то мы можем считать евразийской ту восточную часть большой Европейской равнины, которую населяли неевропейские народы, ближайшими родичи которых жили в Азии. Эти народы были восточными соседями славян, чью собственную изначальную родину, находящуюся в самом сердце Европы, едва ли можно включить в Евразию.

Однако, возможно, родина балтов и славян в Центрально-Восточной Европе была в очень далекие времена частично оккупирована какими-нибудь финскими племенами, которые, постепенно оттесняемые назад, остались северо-восточными соседями и балтов, и славян до наших дней. Эти племена в целом находились на более низкой ступени культурного развития и не имели никакой политической организации. Те из них, которые жили ближе всех к балтийскому побережью, установили тесные связи с индоевропей-

цами-балтами и развивались более успешно, чем другие. В этом регионе племена балтийского и финского происхождения иногда не так просто различить. Название *Aestii*, которое использовал Тацит, по-видимому включало и тех и других, и если эсты более поздних времен – предки современных эстонцев – явно принадлежат к финской группе, как и ливы, давшие название Ливонии, где они жили среди балтийских леттов, то на вопрос, были ли куры, от которых произошло название Курляндии, финского или балтийского происхождения, ответить трудно.

Более крупные и многочисленные финские племена жили не только в самой Финляндии, которая появляется в истории не раньше шведского завоевания в XII в., когда ее впервые и надолго стали ассоциировать со Скандинавией, но и в бассейне Волги, и к северу от нее вплоть до географических пределов Европы, берегов Северного Ледовитого океана и Уральских гор. Колонизация Волжского региона племенами, принадлежавшими к восточной ветви славян, которой было суждено приобрести значимость начиная с XI в., безусловно началась не раньше VII–VIII вв., но тогда – с очень умеренным размахом. Однако с самого начала это был процесс поглощения и постепенной славянизации слаборазвитых финских племен, названия которых тем не менее проявляются в названиях некоторых самых первых славянских поселений.

Другими были отношения славян с евразийскими народами, которые жили южнее финнов. Эти народы принадлежали

либо к монгольской расе, как финны, но к ее тюркской группе, либо к иранцам, то есть азиатской ветви индоевропейской расы. В противоположность довольно пассивным финнам эти народы имели агрессивный характер и часто вторгались и, по крайней мере, временно доминировали над своими славянскими соседями даже в доисторические времена. Когда такие вторжения стали повторяться в более поздний период истории, славян и завоевателей-азиатов – уже исключительно тюрко-татар – уже легко отличить одних от других. И наоборот, существует большая путаница в отношении названий, которые появляются в степях к северу от Черного моря, начиная с киммерийского периода (1000-700 лет до н. э.) вплоть до образования Булгарского и Хазарского царств в VII в. н. э. Этническое происхождение каждого из этих народов (булгар и хазар) весьма спорно, а так как все они оказывали сильное влияние на восточных славян, установив над ними свой политический контроль, то возник вопрос, действительно ли и даже несомненно славянские племена не имели изначально чужеземных вождей, что объяснило бы некоторые из их довольно загадочных имен.

С другой стороны, казалось вполне оправданным искать славянские следы среди ведущих евразийских народов. Вполне возможно, что когда киммерийцев черкесского (кавказского) или фракийского происхождения² как правящую «надстройку» сменили (ок. 700 – ок. 200 лет до н. э.) скифы,

² Ныне доказано, что они иранского происхождения.

то это название охватывало различные племена разных этнических групп, включая славян, в дополнение к главенствующим «царским скифам», которые были хорошо известны Геродоту и имели иранское происхождение. То же самое можно сказать и о сарматах, которые заняли место скифов приблизительно с 200 г. до н. э. по 200 г. н. э. Опять-таки большинство этих племен, включая аланов, которые последними пришли из [Центральной] Азии, но, видимо, сыграли особенно важную роль в первые века христианской эры, имело, безусловно, иранское происхождение. Но в свободное объединение этих сарматских племен, видимо, входило также и славянское население, хотя более поздние предания, в которых сарматы предстают далекими предками славян, особенно поляков, разумеется, являются легендами.

Последовавшие вторжения германцев-готов и монголов-гуннов – и те и другие лишь временно оккупировали территории славян, прежде чем пересечь границы империи, – носили иной характер. Лучше известные, чем их предшественники, ни один из этих народов не имел ничего общего со славянами и не оставил значительных следов в истории Центральной или Восточной Европы. Но некоторые иранские элементы, видимо, пережили и готский (ок. 200-370-е н. э.), и гуннский (370-е-454 н. э.) периоды. Согласно недавно высказанной точке зрения, некоторые племена аланов продолжали контролировать регион Азовского моря, где они общались с восточными племенами славян-ан-

тов. Даже хорваты и сербы, то есть ведущие племена южной ветви славян, как и их названия, вероятно, имели и иранское происхождение.

Переходя от этих весьма спорных гипотез к историческим фактам VI–VII вв., господство аваров над восточными и южными славянами следует подчеркнуть как одно из самых опасных нашествий азиатов. Придя из Монголии под давлением своих соседей-тюрок, авары появились у ворот Европы севернее Кавказа в 558 г. Вскоре они стали представлять серьезную угрозу Восточной Римской империи, и в конце VIII в. их в конечном счете разгромил Карл Великий, сохранивший Западную империю. Однако славянам, жестоко пострадавшим от этих завоевателей, пришлось столкнуться с другим, вдвое более сильным давлением, исходившим в это же время с Евразийского Востока.

На северо-востоке ветвь булгар, представлявших собой тюрко-угорский народ, который в начале VII в. создал на Дону Великую Булгарию, образовала государство в среднем течении реки Волги после падения этой империи. Эти волжские булгары, которых следует отличать от основной группы, отправившейся в направлении Балкан, завоевали главным образом финскую территорию, но на протяжении нескольких веков также оставались препятствием для дальнейшей экспансии славян.

Гораздо более важным для славян было основание Хазарского каганата на юго-востоке. Хазары были еще одним ази-

атским племенем, вероятно этнически смешанным, которое впервые появилось к северу от Кавказских гор приблизительно в 570-х гг. н. э., когда оно, очевидно, находилось под контролем тюрков. Разбив Великую Булгарию, хазары создали для себя большое государство, которое простиралось от Кавказских гор до низовьев Волги и Дона и с самого начала включало часть славянского населения. Объединенные народы разных рас и религий под властью их кагана, как назывался их верховный правитель, в конечном счете обращались в иудейскую веру. Хазарам пришлось воевать с арабами в Кавказском регионе и столкнуться с соперничеством Византии на Азовском море. Но почти одновременно они начали продвигаться в противоположном – северо-западном направлении, где их экспансия достигла своего пика в первой половине IX в., когда они завоевали славянские племена, которые жили восточнее Днепра. Хазары дошли даже до Киева и потребовали от него дань.

Господство хазар, однако, было гораздо мягче, чем чье-либо другое, которое узнали на себе славяне, и оно не оставалось неоспоримым для других народов, вторгавшихся на эту же территорию. Когда хазары впервые получили отпор от викингов – это дискуссионный вопрос, который следует изучать в связи со спорной историей создания Киевского государства в конце IX в. Но даже еще до этого хазары на землях близ Киева вступали в схватку с мадьярами (венграми) – угорским (отчасти монголоидным) народом, кото-

рый задержался там приблизительно на 300 лет на своем пути от Уральских гор до Дунайской равнины. Это было еще одно племя, хотя, вероятно, не такое многочисленное, которое вклинилось между их западной и южной ветвями, испытывая некоторое их влияние на себе.

Это славянское влияние оказалось гораздо сильнее в случае тех булгар (болгар), которые, вместо того чтобы подниматься вверх по течению Волги на север, продолжили движение на юг в направлении низовьев Дуная. Задолго до того, как булгары переправились через реку и проникли на территорию империи, их кланы вобрали в себя так много восточных славян, что, когда они поселились на Балканах – ненамного позже, чем южные славяне сербы и хорваты, – они уже в большой степени были «ославянившимися». Роль, которую булгары сыграли в истории восточных славян, была лишь временной и достаточно ограниченной.

Однако в целом именно восточную ветвь славян сначала называли антами в самых первых источниках, а позднее они стали известны под загадочным названием Русь, которая по естественным причинам, вытекающим из ее географического положения, уже имела самые тесные контакты с различными азиатскими захватчиками Восточной Европы в доисторический период. Эти влияния неевропейцев, кем бы они ни были, почти не затронули две другие ветви славянских народов, разве что только через аваров и мадьяр (венгров). Западные славяне, особенно потомки венедов, были вообще

практически ими не затронуты.

Этот существенный факт, естественно, способствовал растущей дифференциации среди трех основных славянских групп. Но он также сформировал различия и внутри самой группы восточных славян – между теми антами, которые остались на изначальной родине славян в Центрально-Восточной Европе, где они составляли многочисленное местное население и легко присоединяли к себе любые чужеземные группы людей, проходивших через их территорию, и теми славянами-первопроходцами, которые проникли за пределы бассейна Днепра в обширный промежуточный регион, который можно назвать Восточной Европой или Западной Евразией.

В этом регионе отдаленные поселения славянского мира были населены колонистами, которые были рассеяны по всей его территории и смешивались с финно-угорским, тюркским или иранским населением, численность которого увеличивалась благодаря постоянным переселениям и вторжениям из Азии. Лишь за исключением большинства финских племен все эти евразийские народы были завоевателями, более сильными и лучше организованными, чем славяне, и поэтому имевшими возможность оказывать на них постоянное давление и влияние. В связи с этим оставался открытым вопрос, станет ли когда-нибудь весь этот регион с его смешанным населением, подвергающимся столь многим различным тенденциям развития культуры, частью Европы с историче-

ской точки зрения.

Самые древние отношения между славянами и германцами

Германские (или, как их иногда называют, тевтонские) народы изначально были разделены на три группы или ветви, как и славяне, с той лишь разницей, что в добавление к западной и восточной группам существовала еще и северная, а не южная. Более чем любые другие европейские народы, все они имели тесные связи с коренными жителями Центрально-Восточной Европы – славянами и балтами. Именно видимое постоянное влияние германцев, оказываемое ими на балтов и славян с запада, соответствовало евразийскому давлению с востока. Была даже создана теория, согласно которой славяне с незапамятных времен находились под двойным чужеземным гнетом – либо германцев, либо тюрко-татар с далекоидущими последствиями для всего хода истории. Еще более распространенной среди немецких ученых является точка зрения, что большая часть исторической родины славян в Центрально-Восточной Европе изначально в доисторические времена была населена германскими племенами, которые покинули этот регион только во время великих переселений, а славяне пришли за ними и заняли эти территории.

Не возвращаясь к этой полемике, следует признать, что во

время начального этапа этих переселений, до того как они явно стали движением с Востока на Запад, некоторые племена германцев распространились по всей Центрально-Восточной Европе, но лишь как временные завоеватели. По очевидным географическим причинам эти племена были теми из восточногерманской группы, которые оказались особенно активными в период переселения и в конечном счете проникли дальше, чем любые другие германцы, в юго-западном направлении, но только лишь для того, чтобы полностью исчезнуть. В Центрально-Восточной Европе их вторжение не оставило после себя ничего, кроме предания о жестоком правлении готов, которые были племенем-лидером среди этих восточногерманских племен.

Это предание было особенно живо среди балтийских народов, но недолго; при короле Германарихе (Эрманарихе, ок. 350–375 н. э.) империя остготов, по-видимому, включала также и большинство славянских народов. Потерпев поражение в 375 г. от гуннов, остготы переправились через Дунай и начиная с известной битвы при Адрианополе (378 н. э.) осуществляли свое нашествие на Римскую империю, которое увело их далеко от славянской Европы.

На берегах Балтики вслед за временным господством готов вскоре последовала длинная череда набегов и нашествий, в равной степени опасных как для балтов, так и славян, со стороны другой ветви германских народов – северной. Задолго до того, как норманны стали играть свою из-

вестную роль в истории Западной Европы, отважные экспедиции скандинавских викингов не только пересекали Балтийское море, но и проложили первые торговые пути через Восточную Европу до Каспийского и Черного морей, где они установили контакты с азиатским миром. Арабские источники указывают, что самые первые такие связи были установлены в регионах вдоль течения Волги и не затрагивали изначальную территорию балтов и славян. Также существует точка зрения, что норманны пришли и даже создали нечто подобное государственной организации в Азовском регионе, возможно под названием *Rus* (Русь), задолго до того, как Русь в конце IX в. последовала по кратчайшему пути «из варяг в греки» и образовала исторически известное Русское государство с центрами в Новгороде и Киеве.

Но опять-таки это все лишь гипотезы, а историк будет иметь под ногами более прочную почву, если, прежде чем изучать это важное вторжение скандинавов в судьбу восточных славян, обратится в хронологическом порядке к первым задокументированным контактам между западной группой тевтонских народов – собственно германцев – и их соседями-славянами. Это были, конечно, западные славяне, а также западные племена южных славян – предки современных словенцев. И именно это самая важная проблема во всех отношениях между славянами и германцами, проблема, которая, непрерывно возрастая по значимости, просуществовала до наших дней.

Все началось, когда движение на запад германских племен, дошедших до Атлантического океана, сменилось движением в обратном направлении, которое позднее стало известным как *Drang nach Osten* («натиск на восток»). Даже если вначале движение представляло собой завоевание заново территорий, которые заняли славянские племена во время предыдущих переселений, то вскоре оно превратилось в систематическую агрессию на длинной линии фронта от устья Эльбы до долин Альп и вскоре стало угрожать славянам на территории, которая, несомненно, была их изначально. Пока германские племена, которые первыми вступили в конфликт со славянами и попытались отбросить тех назад, были язычниками, как и их противники, и вряд ли имели лучшую политическую организацию, шансы были почти равными, несмотря на более воинственный характер германцев. Но ситуация совершенно изменилась, когда после завоевания и обращения саксов в христианскую веру Карлом Великим и включения герцогства Баварского в его империю эта христианская империя, созданная франками, стала могущественным соседом всех славянских племен на всем Западном фронте.

На протяжении всей дальнейшей истории славян эта новая ситуация имела далекоидущие последствия. Те славяне, которые жили недалеко от западных границ своей родины, теперь находились в постоянном контакте с западной культурой, в которой были и римские традиции, и католиче-

ская церковь. Но как первых представителей этого мира они встречали тех германцев, которые сами лишь недавно приняли эту культуру и теперь хотели использовать ее ценности, особенно распространение христианской веры, как орудие политического господства. Эта опасность возникла еще при Карле Великом, но стала еще больше, когда после разделения его наднациональной империи в 843 г. и последующих ее разделов у славян в качестве ближайшего соседа появилось Восточно-Франкское королевство. У этого чисто германского государства – Германии в будущем – были наибольшие возможности для экспансии именно в восточном направлении путем завоевания территории славян и ее превращения в окраинные земли Германского государства.

В этой непрекращающейся борьбе, которая началась в конце VIII в., следует различать эти участки длинной германо-славянской границы. Первым таким участком – на севере – была равнина между морем и Судетскими горами. Здесь германцам пришлось иметь дело с многочисленными полабскими и лужицкими племенами, которые в прошлом даже переходили через рубеж рек Эльбы и Зале. Как только саксы организовались и образовали одно из крупнейших германских княжеств, славяне были отброшены от устья Эльбы и юго-восточной части Северного моря до юго-западного края Балтийского моря. Образование пограничных зон, которые должны были защищать территорию германцев и служить трамплином для дальнейшей экспансии, началось с Север-

ной пограничной зоны, которая была создана ближе к концу IX в. за счет ободритов – славянского населения того места, которое позднее получило название Мекленбург. Точно такой же метод был испытан на всем поясе земель к востоку от среднего течения Эльбы до Лужицы. Уже при Каролингах в ходе все того же IX в. этот регион был чем-то вроде сферы влияния германцев, но ввиду ожесточенного сопротивления полабских славян и лужицких сербов (сорбов) окончательное формирование германских пограничных зон затормозилось до следующего века, когда при королях новой Саксонской династии давление усилилось.

Особую важность имел следующий участок этого фронта и центральный бастион – Богемия (Чехия), окруженный горами, которые останавливали продвижение германцев или заставляли их изменить свои обычные методы. Сражения с чешскими племенами начались еще во времена Карла Великого, но, с одной стороны, их землю оказалось трудно завоевать, а с другой – среди их правителей возникло желание принять христианскую веру добровольно, чтобы избежать насильственного завоевания. Уже в 845 г. некоторые из этих правителей приехали в Регенсбург, где крестились и, вероятно, признали в какой-то степени верховную власть германцев. Другие, однако, приблизительно в это же время обратились к ближайшему центру славянской силы, который создавался их сородичами правителями Моравии, в регио-

не, все еще недостижимом для вторжений германцев³, и находился в прямой связи с южными славянами – словенцами, жившими на Дунайской низменности, где память о государстве Само, вероятно, еще не исчезла.

Однако самим словенцам в их альпийских поселениях, по крайней мере с VIII в., угрожала продолжающаяся колонизация со стороны Баварии. Выступая в роли сюзерена герцогов Баварии, Карл Великий создал там первую пограничную зону, которая впоследствии стала территорией Австрии, главным образом для защиты от аваров, но также и для того, чтобы контролировать славянское население после крушения власти Аварского каганата. Миссионерская деятельность германской церкви, особенно епископов Зальцбурга и Пассау, тоже способствовала укреплению влияния Баварии на бывшую римскую провинцию Паннонию, а при сыне Карла Великого Людовике власть империи была временно признана даже хорватами, особенно после подавления восстания хорватского князя Людевита в 822 г.

Это продвижение германцев далеко на территорию южных славян было всего лишь временным и исключительным, но даже при этом оно привело к конфликту с далекой Болгарией и контакту византийского и франкского влияния. Вот почему взлет и падение так называемой Великоморавской

³ Германские феодалы в IX в. неоднократно вторгались и на территорию Чехии, и на земли Моравии, захватывая значительную их часть, но в результате народных восстаний против захватчиков в 851 и 871 гг. изгонялись со славянской земли.

державы следует изучать на фоне этих международных отношений в Дунайском регионе и современных им событий на Балканах. Но прежде чем приступить к этому важному поворотному пункту в истории Центрально-Восточной Европы, следует подчеркнуть одно более общее последствие самых древних отношений между славянами и германцами.

Так как государственная власть у германцев была гораздо сильнее, растущая опасность этого заставила славян развивать наконец свою собственную политическую организацию и взаимодействовать в более крупных племенных объединениях под руководством своих вождей. Во многих случаях они оказывались вполне способными делать это, несмотря на множество неблагоприятных обстоятельств. Спротивляясь чужеземным агрессорам, язык которых они не понимали, славяне стали осознавать свою собственную особенность. Но в противоположность восточным славянам, которым приходилось сталкиваться с азиатскими завоевателями-полуварварами, которые были в основном язычниками, как и они сами, западные славяне поняли, что не смогут противостоять своим врагам, если сами не станут частью той римской культуры, которая была главным фактором превосходства германцев, и, что самое важное, если не станут христианами, как и их соседи. Те славяне, которые не сделали этого, были заранее обречены. Другим пришлось искать пути и средства сделать это без германского посредничества, сохранив свою независимость и создав для себя Центрально-Восточноевро-

пейский регион. В переломном IX в. одним из этих возможных путей было сотрудничество с восточным центром христианской и греко-римской культуры – Византийской (Восточной Римской империей).

Славяне и Византийская империя

Задолго до того, как хорватов затронуло завоевание франков, этот южнославянский народ вместе со своими ближайшими сородичами, сербами, вступил в гораздо более стабильные отношения с Византийской империей и Восточной церковью, которая еще не отделилась от Рима. Однако эти отношения были совершенно иного характера. В этом случае захватчиками были славяне. После участия с конца V в. в различных набегах других «варварских» племен на территорию империи они начали представлять угрозу для Византии – единственной христианской империи – даже во время блистательного правления Юстиниана I, которого некоторые древние ученые ошибочно считали славянином по происхождению. На протяжении VI в. опасность, исходившая от славян, вместе с опасностью, исходившей от аварских правителей, все более нарастала. Славяне все чаще проникали вглубь Балкан, пока в первой половине VII в. император Ираклий не позволил некоторым их племенам, освободившимся от власти аваров, поселиться на разоренных землях к югу от Дуная.

Этих славян, вскоре обращенных в христианскую веру, возглавлял Хрватос, имя которого – возможно, иранское – было взято его народом, позднее ставшим известным как хорваты, тогда как другие племена той же группы получили название «сербы». Упрочившись в регионе, который они занимают в настоящее время, сербы и хорваты сделали его практически независимым от Византии, защищаясь в нем от аваров. Однако с точки зрения культуры они попали под влияние Византии, которая не прекращала считать их территорию – древний Иллирик – частью империи. Разумеется, греческое влияние было особенно сильным среди сербов, которые продвинулись на Балканы глубже и оставались ближайшими соседями греков. Хорваты, с другой стороны, расселившиеся дальше на северо-западе, вскоре оказались под западным влиянием. Это объясняет растущую дифференциацию между этими двумя народами, которые имели общее происхождение и продолжали говорить на одном языке. По мере усиления противостояния между восточным и западным христианскими мирами разделение сербов и хорватов тоже стало глубже, что стало отличительной чертой истории южных славян.

Но уже на самом начальном этапе их расселения в регионах, расположенных далеко к югу от их первоначальной родины, возникла еще одна проблема, которая долгое время стояла остро, – проблема их отношений с совершенно отличным от них народом, который одновременно с ними вторг-

ся в Византийскую империю и после переправы через Дунай поселился на постоянной основе на территории империи на Балканах, но восточнее сербохорватов, не на адриатическом побережье, а на побережье Черного моря. Это были болгары, или болгары.

Южная ветвь того тюркского народа, который в целом сыграл такую важную, но кратковременную роль в Евразии и степях к северу от Черного моря, уже смешалась в этом регионе со славянскими племенами антов. После участия в первых набегах аваров на Византийскую империю болгары, как и ранее славяне, переправились через Дунай под предводительством своего хана или кагана Аспаруха в 679 г., и в Северной Фракии образовалось Болгарское государство, где сейчас находится современная Болгария.

Однако это государство, вскоре расширившее свои границы во всех направлениях, имело преимущественно славянское население, так как, помимо основания новых государств в северной части бывшей территории империи, многочисленные славянские племена на протяжении VI и VII вв. продолжали совершать набеги на весь Балканский полуостров и даже Грецию. Большинство из них оставались там большими и небольшими группами и создавали так называемые *Scлавинiae* – склавинии, то есть постоянные поселения, которые, не будучи политически организованными единицами, изменяли этнический характер целой империи. Некоторые ученые высказывали мнение, что греческое населе-

ние было полностью «ославянившимся», что является явным преувеличением, так как славянам редко удавалось занять важные города, которые они осаждали, но которые оставались греческими, как и большая часть средиземноморского побережья. Но в то время как рассеянные славянские поселенцы подвергались влиянию греческой культуры даже еще больше, чем в Сербии, они, в свою очередь, настолько сильно влияли на завоевателей-болгар, что те переняли даже их язык, и уже в языческий период своего существования это новое государство следует рассматривать как болгаро-славянское. Постепенно тюркский элемент полностью растворился, и Болгария стала просто одним из государств южных славян.

Византийская империя, у которой время от времени продолжались проблемы с ее славянскими подданными, часть их даже пришлось выдворить в Вифинию в Малой Азии, была серьезно озабочена ростом могущества Болгарии в такой близости от самого Константинополя. Разгромив болгар и славян в 690 г., император Юстиниан II вынужден был просить их о помощи, чтобы отнять свой трон у соперника, и в награду даровал преемнику Аспаруха Тервелу (701–718) титул кесаря, когда принимал его в столице в 705 г. Несмотря на договор, который Византия заключила с Болгарией в 716 г. 11 лет спустя и по которому устанавливалась новая граница к северу от Адрианополя, в VIII в. произошел целый ряд греко-болгарских войн. В 805 г. хан Крум, в сотрудниче-

стве с франками добившийся падения аваров, создал сильную Болгарскую империю по обоим берегам Дуная. Усилилась роль славянских элементов, и до самой смерти Крума в 814 г. перед Византией, потерпевшей крупное поражение в 811 г., стояла серьезная угроза со стороны своего северного соседа. Сам Константинополь был осажден болгарами. Отношения улучшились при новом хане Омуртаге, который даже помог императору Михаилу III в подавлении восстания славян и выступил против франков, с которыми он схлестнулся в Хорватии. Но лишь в царствование Бориса, начиная с 852 г., обращение болгар в христианскую веру стало предметом серьезного рассмотрения, что подняло совершенно новые вопросы в отношениях Болгарии с Византией.

В противоположность возрожденной Западной Римской империи Восточная Римская империя не стремилась к расширению своей территории. Однако она хотела держать под своим контролем группы чужеземцев, которые проникали через ее границы и даже создавали свои собственные государства на территории империи. К тому же она боялась новых нашествий других варварских племен: первое нападение варяжских «русов» на Константинополь в 860 г. было серьезным предупреждением. В обоих отношениях миссионерская деятельность греческой церкви под властью патриарха Константинопольского в тесном взаимодействии с императором, по-видимому, была особенно полезна для приведения под византийское влияние славянского населения

Балкан, а также других опасных соседей – как славян, так и неславян.

Эта миссионерская деятельность, которая в целом была менее развита в восточном христианском мире, нежели западном, сильно активизировалась при известном патриархе Фотии. По случайному решению императора в 858 г. он сменил законного патриарха Игнатия, что положило начало продолжительному кризису в религиозной жизни Византии. Но он оказался одним из выдающихся лидеров греческой церкви, который особенно стремился распространять христианство даже среди далеких хазар – соседей последних греческих колоний на северном побережье Черного моря. Именно там братья-греки Константин и Мефодий из Салоник, которые были в равной степени выдающимися богословами и лингвистами, начали свою миссию в 860 или 861 г. Им не удалось обратить в христианство кагана, который принял решение в пользу иудаизма, но вскоре они отправились к славянам на Дунай. В то же самое время стало известно, что Борис, царь Болгарии, захотел стать христианином.

Однако в обоих случаях нужно было решить вопрос, будут ли новообращенные под церковной властью патриарха Константинопольского или под властью римского папы, – вопрос, который имел религиозный и политический аспекты и решающее значение для всего будущего славян. Пока еще не было раскола между римской и греческой церквями, но уже нарастало напряжение, усугубляемое тем фактом, что папа

Николай I не признал назначение Фотия и отлучил его от церкви в 863 г. В настоящее время мы знаем, что даже разрыв Фотия с Римом в 867 г. не был окончательным, но весь этот церковный конфликт, тянувшийся до 880 г., подготовил почву для раскола в будущем. И даже Игнатий, который снова занимал пост патриарха Константинопольского с 867 по 877 г., противился Риму в решении вопроса о новой Болгарской церкви, которую он хотел видеть под своей собственной властью.

Император тоже, хотя и очень хотел остаться в хороших отношениях с папской властью, был непреклонен при решении болгарской проблемы, и в конце концов Борис, крестившийся в 864 г., после попыток выяснить, какая сторона даст новой болгарской церкви больше автономии, решил в пользу Византии – решение, которое, очевидно, было продиктовано как географическими условиями, так и всей историей края, занятого болгарами. Совершенно другая ситуация сложилась в старой Паннонии, то есть в бассейне Дуная к северу от сербо-хорватских поселений, где на протяжении всех этих лет Константин и Мефодий выполняли свою самую важную миссию, доверенную им Фотием, по приглашению нового славянского государства – так называемой Великоморавской державы. Результаты их деятельности имели долговременное значение не только для отношений различных славянских народов с Византией, но и всего будущего Центрально-Восточной Европы.

Глава 3

К политической организации

Моравское государство и славянские апостолы

Моравское государство оказалось всего лишь эфемерным творением, основанным в начале IX в. и разрушенным в его конце. Но это была первая политическая организация, достаточно большая и сильная, чтобы ее иногда, хоть и ошибочно, называли империей. И она, без сомнения, была создана самими славянами без какого-либо чужеземного вмешательства или руководства. Само название указывало на современную Моравию как ее главный центр, но все же кажется, что ее реальным центром был регион Нитра в Словакии. Моравы – родичи словаков, разумеется, входили в него с самого начала, и чешские племена в Богемии (Чехии) тоже обратились к этому новому славянскому государству, несмотря на растущий нажим германцев, которому они подвергались. Этот нажим со стороны франков был главной причиной, по которой славяне Дунайского региона после падения власти аваров обратились к древней традиции времен Само и наконец попытались создать независимую политическую органи-

зацию, которая также включала словенские племена, живущие южнее Дуная, а северные и южные славяне по-прежнему оставались ее ближайшими соседями. У словенцев был свой собственный предводитель по имени Прибина, который под властью германцев контролировал регион озера Балатон в Паннонии, пока его сын Котцель не попал под власть династии, которая приблизительно в 830 г. основала Моравское государство и по имени своего основателя получила название Моймириды.

В 846 г. преемником Моймира I стал его племянник Ростислав (правил до 870 г.), который прекрасно сознавал двойную опасность для Моравии со стороны Восточно-Франкского королевства. Политически германцы пытались окружить славянское государство союзом с Болгарией, переговоры о котором шли между королем Людовиком Немецким и болгарским правителем Борисом. В это же время немецкие миссионеры продолжали свое движение на восток и уже частично обратили в свою веру моравский и словенский народы, поставив их под власть немецких епископов, и тем самым они, как обычно, служили немецким политическим интересам. Сам Ростислав после крещения сначала был вассалом Людовика, но, так как он хотел освободить свою страну от власти германцев, в 855 г. он одержал победу над королевским войском. Однако, оставаясь в крайне трудном положении, он в 862 г. решил обратиться к Византии. Через своих посланников, отправленных в Константинополь, он попро-

сил не только дипломатической помощи по болгарскому вопросу, но и миссионеров, которые помогли бы ему создать славянскую церковь, независимую от контроля германцев.

Император Михаил III и константинопольский патриарх Фотий доверили эту миссию двоим братьям – Константину и Мефодию, которым был знаком славянский диалект, так как на нем говорили в районе города Салоники. Именно на этом диалекте они основали свой перевод Евангелия и литургических книг, необходимых для выполнения своей миссии, так как византийская церковь в случае славян, как и в других аналогичных случаях, признавала использование родного языка в их церковной жизни. Два грека, особенно Константин (которого в монашестве звали Кириллом), не только заложили основы для развития языка, который под названием «старославянский» или «церковнославянский» оставался до наших дней языком богослужений у большинства православных славян, но и изобрели и особый алфавит, более подходящий, чем греческий, для обозначения звуков славянского языка.

Этот алфавит тоже используется по сей день всеми славянами, принадлежащими к Восточной церкви, но в несколько измененной форме. Для большинства, вероятно, сам Константин придумал так называемую глаголицу – алфавит, основанный на греческой скорописи и, возможно, некоторых азиатских буквах. Только после его смерти уже к концу этого века один из учеников его брата развил эту письменность,

имевшую ограниченное использование, в хорошо известный алфавит-кириллицу, в котором сочетались греческий шрифт унциал с некоторыми дополнительными значками специально для звуков славянского языка. Во всяком случае, таким образом славяне получили свой собственный алфавит, который способствовал развитию их литературы и в то же время создал в какой-то степени культурное различие и даже барьер между теми из них, которые остались верными этой традиции, и всеми остальными европейскими народами, включая тех славян, которые в конечном счете выбрали латинский алфавит.

Будущее разделение славянского мира было основано, конечно, на чем-то гораздо более важном, чем простая разница в алфавитах. В связи с Великой схизмой этому суждено было стать глубоким религиозным отличием между греко-православными и римско-католическими славянами. Однако следует помнить, что во времена Константина и Мефодия, признанных святыми и греческой и римской церквями, раскол еще не завершился, так что эти два славянских апостола, как их называют обе церкви, могли одновременно оставаться верными Фотию, приверженцами которого они были в Византии, и римским папам, с которыми у патриарха время от времени случались конфликты.

Даже Фотий не мог сомневаться в том, что территория, на которой по приглашению Ростислава они начали свою работу со следующего года (863), с точки зрения церкви нахо-

дилась не под Константинопольским патриархатом, а непосредственно в подчинении Риму. Поэтому было исключительно важно получить и у пап разрешение на использование славянского языка в литургиях и разъяснение статуса двоих братьев в общей церковной организации. В обоих отношениях они столкнулись с серьезными трудностями, которые, однако, возникли не из-за их греческого происхождения и противодействия Рима, а из-за враждебного отношения германского духовенства и отчасти из-за недостаточной поддержки со стороны моравских правителей.

Уже при Ростиславе – их главном защитнике – им препятствовали не только баварские миссионеры, действовавшие среди славян до появления этих двух греков, но и особенно архиепископ Зальцбургский и епископ Пассау, которые заявляли свои права на всю территорию Великоморавской державы как свои епархии. Эти притязания, безусловно, имели поддержку правителя Восточно-Франкского королевства, который хотел создать там территориальную церковь под властью архиепископа из метрополии, который тесно взаимодействовал бы с королем и укреплял бы его политическую власть над славянскими правителями. Однако такой подход был вызовом не только Ростиславу, но и римскому папе, которого тревожил альянс между светской властью и местными архиепископами во многих европейских странах. В случае недавно обращенного в христианство Моравского государства папа римский больше предпочитал видеть

там миссионерскую церковь исключительно под своей собственной властью.

Главным аргументом, который германское духовенство использовало в Риме, была мнимая опасность замены (как это сделали Константин и Мефодий) принятого везде латинского языка Церкви на родной язык славянского населения, которое они по-прежнему считали полуязыческим. Поэтому после пяти лет борьбы в 868 г. двое братьев сочли необходимым лично приехать в Рим, чтобы получить от папы Адриана II официальное разрешение для своих методов работы и создания отдельной церковной организации для Великоморавской державы.

Их доводы в пользу проведения богослужений на славянском языке убедили папу римского, который торжественно возложил литургические книги на славянском языке на алтаре нескольких церквей в Риме. Более того, он решил создать новую архиепископскую епархию в Дунайском регионе, которая будет свободна от власти архиепископа Зальцбургского. Так как старший брат Константин умер в Риме в 869 г., приняв на смертном одре высочайший монашеский чин и имя Кирилл, то только Мефодий был посвящен Адрианом II в духовный сан архиепископа Паннонии с епархией в Сирмии.

Выбор этого места имеет важное значение, потому что Сирмий был расположен на самой южной границе Моравского государства рядом с границей с Византией и далек от

центров политической и церковной власти германцев. Однако полностью изжить влияние франков на территории Великой Моравии оказалось невозможным. Даже в словацкой Нитре, которая помимо Велеграда в самой Моравии оставалась главным центром государства Моймиридов, пришлось принять немецкого священника Вихтинга из Швабии в качестве епископа. Он подчинялся, разумеется, Мефодию, но вскоре возглавил оппозицию против архиепископа, которому после своего возвращения из Рима в 870 г. пришлось на протяжении 15 лет вести борьбу с интригами и отбиваться от обвинений своих врагов.

Теперь положение Мефодия было даже еще тяжелее, чем раньше, потому что в том же году (870) при содействии германцев поднял восстание племянник Ростислава Святополк. Арестовав своего дядю, он сам занял трон. И хотя он оказался умелым и энергичным правителем, который вскоре политически порвал с германцами и к 874 г. восстановил независимость Моравского государства, он был готов идти на компромисс в церковных вопросах. В частности, он, по-видимому, был менее заинтересован, чем его предшественник, в том, чтобы богослужения велись на славянском языке – этот вопрос продолжал оставаться главной мишенью нападок германского духовенства.

И хотя Мефодий, вероятно, действовал как папский представитель для славянских народов, он подвергся судебному преследованию со стороны короля Людовика Немецкого и

три года сидел в тюрьме. И лишь в 873 г. папа римский Иоанн VIII добился освобождения Мефодия, а в 879 г. папа снова призвал его в Рим. Во второй свой приезд Мефодию удалось защитить себя от всех обвинений в отношении своего православия и получить от папы еще одно разрешение использовать славянский язык в церкви. Однако на этот раз папа сделал несколько оговорок. Например, он попросил, чтобы, по крайней мере, Евангелие сначала читали на латыни. Но в целом Иоанн VIII продолжал поддерживать Мефодия, который снова вернулся в свое архиепископство и там среди нарастающих трудностей защищал свое дело до самой своей смерти в 885 г.

В тот же год новый римский папа Стефан V в письме к Святополку, подлинность которого, однако, недостоверна, изменил позицию святейшего престола по отношению к славянскому языку на прямо противоположную, запретив его использование при богослужениях. Сам Святополк в этом вопросе был на стороне Вихтинга, и ученики двух славянских апостолов были изгнаны из Моравии. Им пришлось найти себе убежище в Болгарии, где они во многом способствовали христианизации этой совсем недавно обращенной в христианство страны и окончательному принятию славянского языка болгарами. Их Народное собрание в 893 г., которое утвердило сына Бориса Симеона как правителя Болгарии⁴, также признало славянский язык официальным язы-

⁴ Симеон провозгласил себя «царем болгар и греков».

ком болгарской церкви. С созданием славянских школ эта страна стала на последующие века важным культурным центром, в котором быстро развивались славянская литература и религиозная жизнь.

Но в Моравии результаты деятельности святых Константина и Мефодия тоже не исчезли полностью. И хотя так называемые Предания Паннонии, прославляющие их деятельность, могут содержать некоторые преувеличения, есть высокая вероятность того, что их миссионерская деятельность достигла даже польских племен в верховьях Вислы – территории, которая временно входила в сферу влияния Великой Моравии. Явно выраженные следы сохранения кирилло-мефодиевских традиций и богослужения на славянском языке можно встретить в Чехии и даже Польше.

Однако с политической точки зрения власть Моравского государства была обречена уже к концу правления Святополка. В 892 г. епископ Вихтинг, которого он пытался умиротворить, делая ему уступки в церковной области, открыто перешел на сторону германцев и стал канцлером короля Арнульфа. Два года спустя Святополк умер, и во время последовавшей за этим гражданской войны между его сыновьями папа римский Формоз, вероятно по просьбе Моймира II, послал папскую миссию в Моравию, которая попыталась реорганизовать независимую церковь и подчинить ее напрямую Риму. Встретив сопротивление баварского духовенства и их короля, эта акция провалилась не только потому, что

великих славянских апостолов больше там не было, чтобы поддержать ее, но и ввиду полного распада Моравского государства.

Вторжение венгров и проблема преемственности румын

Несмотря на преимущественно славянский характер Центрально-Восточной Европы, трудно переоценить роль некоторых неславянских народов в истории этого региона. В его северной части племенам балтов, уже сыгравшим важную роль в доисторические времена, суждено было влиять на историю этого региона только в конце Средних веков. Историческая деятельность мадьяр (венгров) – единственных азиатских захватчиков, которые, несмотря на свое происхождение, были включены в европейское сообщество, – началась гораздо раньше. Неотделимая от истории славян, их судьба была так же тесно связана с развитием другого неславянского народа в Дунайском регионе – румын. Из европейских народов, подобно балтам, румыны всегда гордились своим происхождением от римских колонистов, которые, несмотря на все превратности последующих веков, остались на территории бывшей римской провинции Дакии. Однако венгры, как называли мадьяр их соседи, всегда оспаривали эту теорию о преемственности румын, которая является одной из самых дискуссионных проблем в истории Центрально-Восточной

Европы.

Сами мадьяры были одним из угорских племен, близкородственным финнам, которое в первых веках христианской эры переселилось с Урала в район Северного Кавказа, а оттуда – в степи к северу от Черного моря. Будучи тесно связанными с хазарами на протяжении 300 лет и признавая власть их кагана, мадьярские кланы, хотя и не были очень многочисленными сами, правили местными племенами того региона – славянскими и иранскими. Но, несмотря на взаимное влияние, они так и не ославянились, как болгары.

В то время как последние двигались к низовьям Дуная и на Балканский полуостров, в VIII в. мадьяры уже расширили свои владения в северном направлении. Приблизительно в 840 г. под предводительством их герцога Олома (Альмоша) они заняли Киев, вероятно по соглашению со своими хазарскими властителями. Однако вскоре в Киеве появились первые вожди викингов, и около 878 г. власть мадьяр на Днепре закончилась⁵. Под давлением викингов с севера и потерпев поражение от печенегов – нового азиатского племени, двигавшегося с востока, большинство мадьяр отправилось на за-

⁵ Согласно русским летописям, в 898 г. хан Альмош (Олмош) осаждал Киев (разбив перед этим вешего Олега, у которого была только небольшая дружина). Взять город венграм не удалось, получив выкуп, они удалились. Однако Альмош умер в 895 г., поэтому нападение, очевидно, было раньше. Есть предположение, что венгры напали на Киев в 839 г., когда посольство русов ходило ко двору Людовика Благочестивого и в городе также было мало воинов. Но Киев венгры не взяли.

пад к Карпатским горам.

Согласно румынскому преданию, по обеим сторонам этих гор они нашли общины, созданные потомками римских поселенцев, пережившими несколько волн азиатских захватчиков, включая нашествие мадьяр, которые проникли через Трансильванию на ту часть Среднедунайской равнины (низменности), которая в будущем станет Венгрией. Венгры защищают ту точку зрения, что группы румын, представленные валахскими скотоводами с Балкан, постепенно просочились на ничейные земли Валахии и Трансильвании гораздо позже, хотя последние были сначала заселены мадьярами и родственным им племенем шеклеров вскоре после оккупации ими Среднедунайской низменности. Однако этот вопрос приобрел историческое значение только в конце Средних веков, а традиционно признанной датой заселения мадьярами Паннонии считается 896 г. Под предводительством Арпада – основателя их национальной династии – они надолго заняли низменность по обоим берегам среднего течения Дуная и полностью вытеснили славянское население.

Став ближайшими соседями германцев, которые наступали с запада через альпийские долины, венгры навсегда разделили южных славян – словенцев, хорватов и сербов, равно как и ослабяившихся болгар, и западных славян (чехов, поляков и других). К тому же славянское население, которое оставалось к югу от Карпат, особенно словаки, более чем на тысячу лет попало под власть венгров и таким образом было

отделено от их ближайших родичей – чехов.

Едва ли необходимо подчеркивать последствия этих фактов для всего последующего течения истории славян и Центральной Европы. В тот момент появление мадьяр (венгров) и их долго длившееся завоевание в конечном счете разрушили Моравское государство, большая часть которого в дальнейшем стала Венгрией. 906 г. обычно считают переломной датой. До и после этого года мадьяры, следуя примеру аваров, совершали набеги на соседние территории, которые они фактически не завоевывали. Эти территории включали не только собственно Моравию, но и юго-восточные пограничные районы Германии. Мадьяры проникли даже до итальянской границы и вглубь Баварии⁶ – именно там их стремительное продвижение было остановлено сначала в 933 г. королем Германии Генрихом I и, наконец, в сражении при Аугсбурге в 955 г. королем Оттоном I за несколько лет до того, как он стал императором Священной Римской империи.

И только в конце все того же X в. язычники-мадьяры завершили формирование своего нового государства и в годы правления князя Гезы – одного из преемников Арпада – были обращены в христианскую веру, главным образом с помощью германских миссионеров. Однако необычной была быстрота, с которой этот чужеземный народ – кочевники по происхождению – интегрировался в христианское европей-

⁶ Венгры в своих вторжениях достигали Апулии в Юго-Восточной Италии, Центральной и Южной Франции, Северной и Северо-Западной Германии.

ское сообщество и впитал западную культуру. Вскоре этот народ стал одним из тех аванпостов культуры в регионе, где в предыдущие века сталкивались противоречивые тенденции ее развития. Это наступление латинского католического Запада в направлении Юго-Восточной Европы имело особое значение в момент, когда влияние Византии, быстро таявшее в Венгрии, достигло своих самых дальних северо-восточных границ, проникнув на обширные территории другого нового государства, которое чужеземные захватчики-германцы основали на пограничных территориях изначально славянской родины и которое в будущем должно было стать Россией.

По суше, через территорию Болгарии и будущей Румынии, и особенно через Черное море Восточная Римская империя, отрезанная вместе с южными славянами от Центральной Европы языческой, а позднее католической Венгрией, в военное и мирное время поддерживала связь с далекой территорией восточных славян, которой суждено было стать боковой ветвью православного христианского мира.

Норманны в Восточной Европе

Роль норманнов в истории Западной Европы хорошо известна и действительно имеет важное значение. Но именно в Восточной Европе их экспедиции и завоевания имели особенно далекоидущие долговременные последствия, так как появление скандинавских викингов – так называемых варя-

гов – связано с происхождением славянского государства, которое в будущем станет самым большим и сильным, – России.

Однако вся история в том виде, в каком она подробно изложена в первой русской летописи, ставит больше спорных вопросов, чем любая другая европейская история. Легендарный Рюрик, которого призвали восточнославянские и финские племена Новгородской земли и который, согласно летописи, прибыл из Скандинавии в 862 г., был идентифицирован как Рёрик Ютландский – датский конунг, упоминаемый в западных источниках того времени. И все, что мы знаем о нем, делает весьма возможным то, что он действительно предпринял экспедицию в Новгород, вероятно в период между 854 и 856-м гг., и там создал государство, которое под его руководством вскоре расширилось на юг вдоль водного пути «из варяг в греки» – Двины и Днепра. Но также известно и то, что задолго до Рюрика викинги из Швеции появлялись на территории, которая теперь является Россией, и на Черном море, используя сначала более длинный путь по Волге и Дону.

Посланцы этих русов шведского происхождения по пути из Константинополя прибыли в 839 г. в Ингельхайм в Германии, откуда их отправили на родину к их кагану (так назывался их правитель по образцу хазар) по приказу императора Людовика I. А в 860 г. флот русов совершил первое нападение на Византийскую империю, но понес боль-

шие потери благодаря мужественной обороне столицы империи под руководством Фотия. Это все установленные факты, и также вполне вероятно, что этот первый Русский каганат имел свою столицу где-нибудь в районе Азова, возможно в Тьмутаракани на восточном берегу Керченского пролива, где русские, сначала приехавшие как купцы, а затем как завоеватели, добились для себя независимости от Хазарского каганата в начале IX в.

Напротив, очень сомнительно, что название *Rus*, которое ошибочно переводят как *Россия* и *русские*, имеет корни в этом же регионе или вообще возникло в славянских или аланских степных племенах к северу от Черного моря⁷. Традиционное толкование этого названия, произошедшего от названия *Ruotsi*, которое финны дали варягам, кажется более убедительным. Эта филологическая загадка не была бы столь важна для историка, если бы она не оказалась частью общей дискуссии между норманистами и антинорманистами, которая началась в историографии XVIII в. и далека от решения даже в настоящее время.

Согласно первой из этих двух школ, именно норманны принесли название Русь из Скандинавии и сыграли решающую роль в образовании Русского государства, дав племенам восточных славян их первую политическую организацию и

⁷ Как раз такие корни наблюдаются, например, в названиях рек Рось и Россава, а название племени, которое здесь жило, по Иордану, восходит по крайней мере к IV в. н. э.

оставаясь их настоящими вождями на протяжении IX и X вв. «Антинорманисты» умаляют эту роль до периодического сотрудничества различных групп викингов, которые на протяжении этих веков, а возможно, и раньше прибывали в страну славян, где уже использовалось название Русь, которое было местного происхождения. Это сотрудничество с опытными воинами было, наверное, ценным, но сравнительно небольшое количество этих викингов, включая династию, основанную Рюриком, ассимилировалось и ославянилось.

Антинорманнская школа, несомненно, способствовала конструктивному пересмотру излишне упрощенного повествования, изложенного в летописи, составленной в XI в. Но кажется невозможным оспаривать норманнскую инициативу в создании одного или более «русских» государств и процессе объединения многих племен, на которые были разделены восточные славяне. Сам факт того, что благодаря этому процессу все эти племена, перечисленные летописцем, получили общее название, едва ли можно переоценить, каким бы ни было его происхождение.

Это постепенное слияние под властью одной норманнской династии и использование общего названия *Rus*, которое сначала обозначало варяжских вождей, а позднее – весь народ под их властью, не подразумевает исчезновение всех различий, которых между племенами восточных славян было не меньше, чем между славянами на западе или на юге. Даже с одной только лингвистической точки зрения среди

этих племен можно различить по крайней мере две группы – северную и южную. Не менее важной, вероятно, было различие между теми восточными славянами, которые остались на своей первоначальной родине, и теми, которые одновременно с приходом норманнов колонизировали изначально финские территории на северо-востоке, смешиваясь с местным населением. А так как слова «Россия» и «русский» применяются в отношении государства, которое в последующие века образовалось именно в этом северо-восточном колонизированном славянами регионе, то весьма сомнительно отождествлять эти названия со словом *Rus* и применять их ко всем племенам восточных славян, даже к тем, которые являются предками нынешних украинцев и белорусов. Для последних обозначение «белорусины» было бы более подходящим, так как в латинских источниках обе западные группы восточных славян обычно называются русинами (*Ruthenians*) от славянского слова *Rusini*, произошедшего от слова *Rus*, и отличаются от Московской Руси (России). Называть последнюю Великой Россией, а старую Рутению (теперь Украину) – Малороссией менее целесообразно, хотя такое деление поддерживается греческой терминологией конца Средних веков.

Племя словен в Новгородском регионе, которое первым попало под власть Рюрика, на самом деле является русским в особенном великорусском смысле этого слова и сыграло выдающуюся роль в колонизации окрестных финских земель

задолго до того, как в истории появилась Москва. Продвигаясь через территорию кривичей, которые, будучи ответвлением полочан в Полоцком регионе, станут в будущем белорусами, норманны под предводительством двух бояр Рюрика, Аскольда и Дира, спустились вниз по течению Днепра и, пройдя между дреговичами и древлянами на западе и радимичами и вятичами на востоке – все эти племена были завоеваны чуть позже, – попали на территорию полян вокруг Киева. Вероятно, около 858 г. они установили свою власть в этом важном центре, который все еще платил дань хазарам. 20 лет спустя Олег, который после смерти Рюрика правил от имени малолетнего Игоря, завладев городами в верхнем течении Днепра, включая Смоленск, хитростью захватил Киев. Аскольд и Дир были убиты, и вся территория от Новгорода до Киева была объединена под властью одного варяжского правителя.

Племена Киевского региона, без сомнения, являются предками современных украинцев – и не только поляне, но и их западные соседи – дулебы на Волыни (поэтому их иногда называют волынянами), равно как и северяне, жившие на восточном берегу Днепра. Древляне, вероятно, тоже принадлежали к той же этнической и лингвистической группе, но дреговичей, живших к северу от них, можно скорее ассоциировать с будущими белорусами, в то время как радимичи вместе с вятичами, расширявшие свои владения в бассейне Волги, были главной составляющей будущей великорусской

народности. «Украина» была еще не тем названием, которое стало обозначать регион по обоим берегам нижнего течения Днепра с XVI в., а общим обозначением любого пограничного региона. Типичными жителями приграничья, жившими к югу от полян в степях между ними и Черным морем, были уличи и тиверцы – два племени, которые, как обычно считают, принадлежали к той же группе, хотя они, вероятно, смешивались с народами азиатского происхождения, мигрировавшими через эти «ворота» в направлении Венгрии и Балканского острова.

Для Киевского государства поистине жизненно важно было сохранить контроль над этими степями как необходимую базу для любого дальнейшего продвижения в направлении Константинополя по суше или морю. Уже в начале X в., когда мадьяры покинули эту территорию, чтобы расселиться в Закарпатье, эта цель была, по-видимому, достигнута. Фактически Олег, который вскоре после захвата Киева завоевал древлян, а также северян – последние формально подданные хазар, – в 907 г. предпринял первый военный поход на Византию. Тиверцы среди других племен тоже участвовали в этом походе. Подробности осады Константинополя, вероятно, относятся к разряду легенд, но русская летопись (Повесть временных лет) содержит в том числе рассказ о русско-византийском договоре, заключенном в том же году, и полный текст дополнительного соглашения 911 г. Русские получили огромную контрибуцию, а их торговыми отношени-

ям с Византией способствовали подробно оговоренные условия на основе полного равенства.

Через год или два Олег умер, и его преемником стал внук Рюрика Игорь. При нем набеги варягов достигли Анатолии и Закавказского региона. Будучи достаточно силен, чтобы подавить восстание древлян, Игорь, однако, потерпел серьезные неудачи в своих дерзких экспедициях, и другой тюркский народ, печенеги, или пачинаки, впервые вторглись в Киевское государство и вскоре стали постоянной угрозой его безопасности. Тем не менее к концу своего правления в 944 г. Игорь, как и его предшественник, организовал военный поход против Византийской империи. Он даже использовал орду печенегов в качестве своего подкрепления. Но он достиг только Дуная, а мирный договор, заключенный на следующий год и бывший менее выгодным для русских, в своих подробно прописанных торговых условиях включал политический договор, направленный против хазар и волжских булгар. Поэтому также возможно, что правитель тьмутараканских русских, который был особенно заинтересован в отношениях с этими народами, находился среди князей, которые, помимо «великого князя» Игоря, заключали этот договор. Но даже киевские земли были, очевидно, еще не полностью объединены под его властью, и в 945 г. Игорь был убит древлянами, у которых он вымогал дань в повышенном размере.

Отомстив за смерть Игоря, его вдова Ольга, которая, воз-

можно, была славянского происхождения, несмотря на скандинавское имя, в течение нескольких лет правила от имени их сына Святослава – первого представителя варяжской династии, который получил славянское имя. Ольга улучшила управление Киевским государством и первой поняла, что, для того чтобы войти в содружество европейских государств, его нужно обратить в христианство. В договоре 945 г. уже упоминаются «христиане-русы», помимо языческого большинства, и именно из Византии со времен Фотия христианская вера стала распространяться среди и славянского населения, и его норманнов-правителей. Но Ольга, вероятно крещенная в Киеве в 955 г., хотела добиться для своей страны автономной церковной организации и с этой целью вела переговоры как с восточным, так и западным христианскими мирами, как это делали болгары до своего обращения в христианство. И хотя в X в. еще не было раскола, разделившего Рим и Византию, этот вопрос имел самое важное значение для будущего.

В первый раз Ольга поехала в Константинополь в 957 г., где ее торжественно принял император Константин Порфирородный. Однако, вероятно, не было достигнуто никакого соглашения, так как два года спустя она отправила своих послов к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископа в Киев. Это случилось до коронации в 962 г. Оттона папой римским как императора Священной Римской империи, но, как бы там ни было это привело бы Россию под

власть папы и влияние Запада. Как и в случае с моравской церковью почти сотней лет раньше, это было бы германское влияние. Однако в таком случае это казалось менее опасным с политической точки зрения из-за большого расстояния между двумя странами, разделенными всеми западными славянами. Тем не менее, когда после трудностей, которые, вероятно, и возникли из-за такого расстояния, немецкий монах, посвященный в епископский сан, в конечном счете прибыл в Киев, он не был там принят, и в 962 г. ему пришлось вернуться.

В то время когда Оттон I был занят своими имперскими планами в Италии, Киевом уже правил сам Святослав. Так что неудача в создании в Киеве католической церковной организации была вызвана не только проблемой ее автономии, но и отсутствием заинтересованности в ней князя, в котором проявились все отличительные черты викинга-язычника. Его честолюбивые устремления были сначала направлены на Восток, где во время двух военных походов в 963 и 968 гг.⁸ он разгромил Хазарский каганат. Но он оказался не способен контролировать эту обширную территорию, которая теперь была открыта для новых вторжений из Азии. Вступив на землю Тьмутаракани, после того как разбил волжских булгар и с боями прошел через Хазарию и Северный Кавказ, он вскоре оказался вовлеченным в проблемы

⁸ Сейчас считается, что Святослав разгромил Хазарский каганат в ходе одного грандиозного по размаху и последствиям похода 965 г.

Византии и Балкан в период между своими двумя восточными кампаниями. Несмотря на опасность со стороны печенегов, угрожавших Киеву, его интересовало главным образом завоевание Болгарии на Дунае, где он хотел основать свою столицу. Однако в конечном счете и болгары, и греки объединились против него, и в 971 г. после нескольких поражений ему пришлось оставить свои притязания⁹. В следующем году по пути в Киев он был убит печенегами.

Походы Святослава задержали обращение в христианство Киевского государства. Однако норманны, которые сделали такой огромный вклад в основание этого государства, были уже практически ассимилированы восточнославянским населением, которое теперь было готово присоединиться к другим славянам, западным и южным, и вступить в европейское сообщество. Поэтому конец X в. является периодом решающего перехода всей Центрально-Восточной Европы от предыстории к ее средневековому развитию в группе независимых христианских государств на границах как Восточной, так и восстановленной Западной империи и их соответствующих сфер влияния.

⁹ Автор не точен. Походы Святослава хорошо описаны. В ходе второго похода возвратившийся в Болгарию Святослав признал болгарского царя Бориса II законным владетелем и сражался с войсками императора Цимисхия при поддержке болгар. Битвы при осаде Цимисхием Доростола привели к заключению договора, по которому Святослав и его войско получили продовольствие и право беспрепятственного отхода в пределы Руси, а русским купцам гарантировалась свободная торговля в империи.

Часть вторая

Средневековые традиции

Глава 4

Наследие X в

Западные славяне

Почти все европейские государства, которые входили в христианское сообщество в Средние века, можно проследить до X в. Это справедливо и для западного, и восточного христианских миров, которые еще не были разделены никаким окончательным расколом. Единственное различие состоит в том, что Восточная Римская Византийская империя имела гораздо более древние традиции, но без возможностей политического расширения, в то время как Западная Священная Римская империя, «переданная» в 962 г. германским королям, была фактически новым образованием, служившим целям германского империализма.

Эти цели включали господство над Италией и экспансию на восток, направленную главным образом против западных славян. После краха Моравского государства ближайшими

соседями германцев к северу от мадьяр были чехи в Богемии (Чехии) и славянские племена между Эльбой-Зале и Одером-Нейсе. Завоевание последних, упорствовавших в своем язычестве и так и не достигших какого-либо политического единства, вызвало появление пограничных зон, которые были созданы на их территории для наступления на границы Польши, которая тоже все еще была языческой, но уже объединенной под властью династии Пястов.

Когда между поляками и германцами произошло первое вооруженное столкновение – вероятно, это случилось на следующий год после коронации императора Оттона I, – князья из династии Пржемысловичей, объединившие чехов, уже приняли и католицизм, и власть германцев. Решающим в этом отношении оказалось правление святого Вацлава, убийство которого в 929 г. было в значительной степени результатом антигерманского движения, но на самом деле не изменило ситуацию. С одной стороны, корона святого Вацлава осталась символом государственного суверенитета Чехии (Богемии), но с другой – его брат и преемник Болеслав I тоже должен был признать феодальное главенство короля Германии, так что после 962 г. его государство, естественно, стало частью Священной Римской империи. Однако степень этой зависимости оставалась спорным вопросом, которую часто связывали с положением Польши и планами сотрудничества между двумя западными славянскими державами.

С самого начала Польша решила оставаться вне империи, и, чтобы избежать давления со стороны Германии, в 966 г. князь Мешко I (р. ок. 922 – ум. 992) добровольно крестил свою страну после своей женитьбы на дочери князя Богемии (Чехии) в предыдущем году. Первый христианский правитель Польши попытался ограничить политическое влияние империи данью, которую он согласился выплачивать с части своей территории. Он также хотел, чтобы первая польская епархия, основанная в Познани, находилась в прямом подчинении папскому престолу, в то время как отдельная епархия, созданная в Праге в 973 г., почти 400 лет оставалась под властью германского архиепископа Майнцкого.

Вместе с князем Богемии Болеславом II, который унаследовал престол своего отца в 967 г., Мешко I даже вмешивался во внутренние дела Германии после смерти первых двух императоров – Оттона I и Оттона II. Он завязал отношения с некоторыми соседними немецкими маркграфами и женился на дочери одного из них после смерти своей жены-чешки. Но ни Польша, ни Чехия не могли оказать поддержку другим западнославянским племенам в их отчаянном сопротивлении германскому завоеванию, а совместные действия обеих стран страдали от недостаточной согласованности и территориальных споров. Точно неизвестно, какой регион Мешко I отнял у Чехии в последние годы своего правления. Вероятнее всего, это был Краков, а также часть Малой (Южной) Польши, которую временно занимали чехи. Одна-

ко в 981 г. он лишился региона, расположенного к востоку от нее (в настоящее время он называется Восточная Галиция), который отошел Владимиру Киевскому. Его собственный интерес лежал в противоположном направлении. Из Великой Польши – первоначального центра государства в районе Гнезно и Познани – он дошел до балтийского побережья, объединил близкородственное племя поморян с поляками и наладил контакты со скандинавским миром.

Под конец жизни он отдал свое царство, которое на момент принятия им христианства уже считалось самым крупным и лучше всего организованным славянским государством, непосредственно под власть папы римского. Этот дар в виде Польши, простиравшейся от устья Одера до границ Балтийской Пруссии и Киевской Руси, был самой лучшей гарантией ее независимости, которую Мешко I, вероятно, хотел подтвердить, получив королевскую корону.

Его дела завершил его сын Болеслав Храбрый, блистательное правление которого началось в 992 г. с укрепления единства Польши, главной целью которого было обеспечение ее полностью независимого и даже лидирующего положения в Центрально-Восточной Европе.

Болеслав сначала надеялся осуществить свои планы при дружеском взаимодействии с молодым императором Оттоном III, у которого было поистине универсальное, наднациональное представление о Священной Римской империи, объединяющей на равных условиях Италию, Галлию, Германию

и *Slavonia* (славянский мир). В последнем император был готов признать Болеслава своим наместником (*patricius*), дружеское сотрудничество с которым способствовало бы миссионерской деятельности, в которой они оба были глубоко заинтересованы. Их общий друг Адальберт, бывший епископ Пражский, убитый в 997 г. во время пребывания в Пруссии, вскоре после этого был канонизирован папой Сильвестром II. На Пасху 1000 г. Оттон III совершил паломничество в столицу Польши Гнезно, где Болеслав похоронил возвращенное тело великомученика. На торжественном собрании в присутствии папского легата Польша получила полностью независимую церковную организацию с архиепископом в Гнезно и новыми епископами в Кракове, Вроцлаве (Бреслау) в Силезии и Колобжеге (Кольберг) в Поморье (Померании).

Политические решения конгресса в Гнезно сделали Болеслава, как и его отца – бывшего *tributarius* империи, настоящим *dominus*, то есть независимым правителем, которому, скорее всего, было обещано королевское достоинство. Но некоторые темные интриги в Римской курии задержали запланированную коронацию, и в 1002 г. смерть Оттона III совершенно изменила ситуацию. Полностью сознавая опасность германских имперских устремлений, которые вновь возникли при новом императоре Генрихе II, польский князь решил не подчиняться его политике объединения всех западных славян в некой федерации под предводительством Польши.

Этот план включал решение двух проблем. Болеслав хотел прежде всего спасти от власти Германии и включить в свое королевство как можно больше славянских территорий, расположенных между Германией и Польшей, поэтому в 1002 г. он оккупировал Лужицу и Мейсен, где остатки славянского населения сохранились до наших дней. Даже еще более важной была идея замены немецкого влияния в Чехии на власть Польши. Вмешиваясь во внутренние распри среди членов династии Пржемысловичей, на следующий год Болеслав вошел в Прагу, и создание общего Польско-Чешского государства казалось более осуществимым, чем в любой более поздний период истории.

Но Генрих II ответил объявлением войны, которая с двумя перемириями длилась 16 лет. Окончательный мир был заключен в 1018 г. в Будишине (Баутцен) – столице Лужицы, которая осталась под властью Болеслава. Однако ему не удалось заполучить какие-либо другие славянские земли между Одером и Эльбой, где самое сильное племя, лютичей, даже сотрудничало с немецкими захватчиками, подготавливая тем самым для себя свою окончательную судьбу. Также в Чехии существовала немецкая группировка, и Чехию полякам пришлось оставить в 1004 г. Болеслав сохранил только Моравию, так что государство Пржемысловичей оказалось временно разделено между империей и Польшей.

В 1013 г. в разгар войны с Германией перед Польшей впервые встала угроза совместных действий ее западных и

восточных соседей, так как император возобновил былые отношения Германии с Киевским государством. Вероятно, это была одна из причин, по которым Болеслав немедленно после заключения Будишинского договора решил вмешаться во внутреннюю борьбу сыновей Владимира Киевского и поддержать того из них, который женился на его дочери. Когда он захватил Киев в том же 1018 г. и установил власть своего зятя Святополка, казалось, что даже восточные славяне войдут в федерацию Болеслава. В сообщении, которое он отправил из Киева обоим императорам, Генриху II Немецкому и Василию II, в Константинополь, была четко изложена его цель – оставить всю Центрально-Восточную Европу свободной от любой имперской власти.

Влияние Болеслава достигло границ с Литвой, где в 1009 г. был убит еще один миссионер, пользовавшийся его поддержкой, – его сторонник в Германии святой Бруно, а также Венгрии, хотя очень сомнительно, чтобы он когда-нибудь объединил какие-то словацкие территории с Польшей¹⁰. Его коронация как первого короля Польши, которая с одобрения папы состоялась незадолго до его смерти в 1025 г., окончательно утвердила положение Польши как независимого члена европейского сообщества.

Предание о короле Болеславе I Храбром сохранялось на протяжении всей истории Польши, хотя уже при его сыне и преемнике Мешко II (1025–1034), коронованном сразу же

¹⁰ Болеслав I Храбрый временно захватывал и Словакию.

после смерти его отца, Польша утратила свое лидирующее положение и вступила в глубокий внутренний кризис, который открыл двери германской интервенции. Утрачены были также и первые территориальные приобретения короля – Лужица и Моравия; первая попала под власть Германии, а последняя была возвращена Чехии. Несмотря на яростное, но неорганизованное сопротивление, славянские племена к западу от Польши были поглощены империей, которая также продолжала включать в свой состав государство Пржемысловичей.

Баланс сил между Чехией и Польшей, однако, совершенно изменился в годы – и после них – злополучного правления Мешко II. Его современник Бржетислав I не только завоевал польскую провинцию Силезию, которая стала объектом бесконечных споров между двумя соседними государствами, но и попытался объединить их, но на этот раз под властью Чехии. Несмотря на вторжение в Польшу в 1038 г., его план имел даже еще меньше шансов на успех, чем политические идеи Болеслава I Храброго, и первый период истории западных славян закончился созданием двух государств, разделенных частыми распрями, враждебными их общим интересам – противостоянию давлению Германии. Однако оба государства оставались центрами славянской культуры, которая быстро развивалась в тесном контакте с западным христианским миром, включая далекие римские провинции. Влияние Германии было, естественно, гораздо сильнее в Че-

хии, где немецкая колонизация началась гораздо раньше, в то время как Польша, так и не включенная в империю, вновь обретала свободу действий после каждой попытки вмешательства со стороны ее соседей.

Только территория Поморья вдоль балтийского берега, тщательно контролируемая Мешко I и его сыном, не была еще полностью объединена с остальными польскими землями. Туда не могла дойти немецкая экспансия, пока близкородственные славянские племена между Одером и Эльбой с переменным успехом боролись за свою свободу.

Восточные славяне

Задokumentированная история Киевского государства, в которой все восточные славяне были объединены под властью династии норманнского происхождения, началась задолго до консолидации Чехии и Польши благодаря главным образом давним контактам с Византийской империей. Но обращение в христианскую веру – необходимое условие для включения любой страны в европейское сообщество – было отложено здесь на гораздо более долгий срок. Даже князь Владимир – сын Святослава, преемником которого он стал после нескольких лет внутренних распрей, начал как языческий правитель, как и его предшественники. И только в 988 г. он решил принять крещение вместе со своим народом. Позднее он стал святым Восточной (православной) церкви.

В конечном счете Владимир обратил в христианство русских – как своих скандинавских викингов, так и племена восточных славян, известных как *Rus*, когда христианский мир еще не был окончательно расколот на восточный и западный. Тем не менее оказалось, что решение Владимира принять христианскую веру не от Рима, а от Константинополя – это решение было драматично описано в первой русской летописи Повесть временных лет и легко объясняется лишь географическими причинами – имело далеко-идущие последствия и огромное значение. Сначала влияние Византии, стоявшей выше любого западного центра культуры, сильно способствовало подъему Киева, но постепенно углубляло разделение славян на восточных и западных. Не существовало опасности включения нового христианского государства в Восточную Римскую империю, с которой Россия была связана культурными узами. Не будучи вассальным государством Византии, она сразу же получила свою церковную организацию, хотя многие подробности происхождения столичной Киевской епархии и ее взаимоотношений с Константинопольским патриархатом являются предметом спорных толкований.

Но несмотря на периодически возникавшие отношения с Римом и Западной империей, которые имели место в политике Владимира даже после его обращения к Византии, эта политика теперь определялась необходимостью урегулирования различных проблем, вызванных сотрудничеством

с Василием II – могущественным греческим императором, сестру которого он взял в жены через год после крещения. Договор был заключен в Херсонесе (Корсун) – древнегреческой колонии в Крыму, которую Владимир осадил и захватил в 988 г. Когда давление, которое он таким образом оказывал на императора, дало свои плоды и свадьба с Анной состоялась, Владимир вернул город Василию II, и у Киевского государства больше никогда не было никаких постоянных форпостов на берегах Черного моря. Однако, по-видимому, в том случае Владимир объединил свое княжество с городом Тьмутаракань, расположенным по другую сторону Керченского пролива, который, вероятно, был раньше политическим и церковным центром русских поселенцев и сыграл важную роль в истории Киевского государства в следующем, XI в.

До своей смерти в 1015 г. первые годы XI в. первый русский правитель-христианин, князь Владимир, использовал для укрепления церкви и защиты южных границ страны от набегов печенегов, которые тогда контролировали причерноморские степи. Защита этих пограничных регионов оставалась постоянной проблемой, так как одну волну захватчиков-азиатов сменяла другая. Со всеми другими соседями Владимир теперь жил в мире, а различными частями Киевского государства, включая колонизированные северо-восточные территории в бассейне Волги, где древнейшим центром был Ростов, правили его многочисленные сыновья.

Сразу же после смерти князя стало трудно поддерживать единство Киевского государства, несмотря на феодалы среди членов династии, которые помимо церкви были единственной нитью, связывавшей многочисленные восточнославянские племена. После устранения и смерти Святополка, поддерживаемого его польским тестем, главными соперниками были Ярослав, который при жизни своего отца правил Новгородом, и Мстислав Удалой Тмутараканский. В 1024 г. двое братьев решили разделить Россию по реке Днепру, что было первым признанием отличия изначальной территории государства, основанного династией Рюриковичей от Новгорода на севере до Киева на юге, от практически безграничного региона, присоединенного благодаря экспансии славян на востоке. Территория Полоцка – центра будущей Белоруссии – оставалась за пределами договоренности под властью отдельной ветви династии.

Единство целого государства было временно восстановлено после смерти Мстислава в 1036 г., когда Ярослав стал единоличным правителем. Только чуть позднее были установлены определенные церковные отношения с Византией. Теперь в Киев непрерывно приезжали митрополиты, рукоположенные патриархом Константинопольским. Этот город благодаря Ярославу, прозванному Мудрым, быстро развивался по модели имперской столицы. Тем не менее правление Ярослава закончилось двойным кризисом в русско-византийских отношениях. В 1043 г. после торгового конфлик-

та между двумя странами Ярослав предпринял последнее нападение на Восточную Римскую империю, которое достигло Константинополя, но закончилось неудачей. А в 1051 г. была сделана попытка добиться не только политической, но и церковной независимости от Византии, когда епископы Киевского государства выбрали митрополитом местного русско-го церковнослужителя, который не был признан патриархом Константинопольским.

На следующий год отношения снова улучшились благодаря другому браку между представителями двух династий. Но Ярослав, по крайней мере, в равной степени стремился к поддержанию контактов и с западными династиями посредством матримониальных уз. Брак его дочери Анны, уехавшей во Францию в 1050 г., чтобы выйти замуж за короля Генриха I, имеет особенно важное значение в этом отношении. А после вмешательства во внутренние проблемы Польши Ярослав остался в дружеских отношениях с этим западнославянским соседом, несмотря на продолжавшиеся территориальные споры по поводу Галицкого региона, который несколько раз в течение этого века менял хозяина.

Эти тесные контакты между Киевской Русью и западным христианским миром продолжались на фоне растущей напряженности между Римом и Константинополем, которая в 1054 г., году смерти Ярослава Мудрого, закончилась длительным расколом. Россию не затронул напрямую этот роковой разрыв. Лишь в XII в. влияние Византии также оказалось

достаточно сильным, чтобы вызвать в Киеве растущее недоверие, а иногда даже и враждебность к носителям латинского языка. Если 1054 г. и является поворотным пунктом в русской истории, то только из-за последствий установления порядка наследования Ярославом.

В своем завещании он оставил киевский трон своему старшему сыну Изяславу, а каждый из остальных четверых сыновей получил свое собственное княжество. Подразумевалось, что после смерти старшего сына они будут перемещаться из одного княжества в другое по старшинству. Эту систему, сложную саму по себе, еще больше осложнило то, что правящая в Полоцке династия оставалась вне этой ротации и что потомки одного сына Ярослава, умершего раньше своего отца, создали отдельное наследное княжество в Галиче, а важные регионы, далекие от Киевского центра, – независимый Новгород, приходящая в упадок Тьмутаракань и, прежде всего, регион колониальной экспансии в бассейне реки Волги шли по своему собственному, все более отличающемуся пути развития.

В таких условиях Изяслав вряд ли мог поддерживать свое главенствующее положение, и даже его сотрудничество со своими двумя младшими братьями не продлилось дольше 1073 г. Когда он потерял Киев во второй раз и не получил, как в 1069 г., помощи от Польши, он попытался спасти свое положение, обратившись к ведущим державам западного христианского мира. Не добившись успеха у императо-

ра Генриха IV, он обратился, в частности, к папе Григорию VII. Его сын отправился в Рим и вверил *Regnum Russiae* (русское царство) под защиту Святого престола. В своей булле от 1075 г. папа принял этот дар, который должен был совершенно изменить судьбу Киевской Руси и создать еще одно католическое королевство в Центрально-Восточной Европе рядом с Польшей. Восточные и западные славяне должны были быть объединены схожей политикой и церковной принадлежностью. Однако Григорий VII не мог оказать Изяславу сколько-нибудь эффективную поддержку, и весь этот план, вряд ли имевший поддержку в России, не оставил и следа в ее преданиях. Сам Изяслав отказался от него, когда благодаря смерти своего главного противника [Святослава Ярославича] смог вернуться в Киев в 1077 г., чтобы провести там последние два года своей жизни. Когда он пал в сражении со своим племянником, внутренние распри среди многочисленных членов династии продолжились без особого соблюдения правила генеалогического старшинства.

Поэтому в Киевском государстве, крупнейшем в Европе и занимавшем ключевое положение у границ европейского сообщества и христианского мира, не было реального единства, которое могло бы сплотить многочисленные восточнославянские племена в одну нацию. Связанная с остальной Европой посредством двух противоположных влияний – периодических связей с соседним католическим Западом и проникновения византийского (восточноримского) право-

славия, эта Древняя Русь находилась при этом под постоянной угрозой нашествий азиатов с юго-востока, но быстро расширила сферу своего влияния путем сравнительно легкой экспансии на территории финских племен на северо-востоке. Это промежуточное положение между Европой и Азией оставалось постоянной проблемой для восточных славян – для России как единого целого в смысле «старой Руси», которая постепенно вела к разделению на различные, очень отличающиеся друг от друга России, чему способствовали династические деления на княжества, которые вопреки воле Ярослава стали практически наследными в разных ветвях потомков Рюрика. Не соответствуя строго изначальным племенным территориям, эти княжества, однако, во многих случаях имели различное этническое прошлое и вдобавок различные политические интересы, зависевшие от их географического расположения.

Уже в тот древнейший период истории восточных славян стало очевидно, что они, не имея возможности контролировать побережье Черного моря, не смогут этого сделать и в отношении берегов Балтики. И Владимир, и Ярослав совершали военные походы против литовских и финских племен, которые отделяли Киевское государство от моря, откуда норманны пришли в Россию. Но даже завоевания Ярослава не достигали дальше Юрьева – города, который он основал и который позднее стал Дерптом (Тарту)¹¹

¹¹ Ярослав основал Юрьев в 1030 г., в 1224 г., после захвата немцами, он стал

называться Дерпт, в 1893–1919 гг. короткое время снова был Юрьевом, с 1919 г. Тарту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.